

АДЛЕРБЕРГ М. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

АДЛЕРБЕРГ Мария Владимировна, родилась ок. 1874. Получила среднее образование, до октября 1926 — служила машинисткой в конторе присяжного поверенного. В декабре 1926 — в ее квартире был произведен обыск; в конце 1927 — был вызван на допрос. 9 апреля 1927 — арестована в Ленинграде, приговорена к 3 годам ссылки и 12 января 1928 — отправлена в поселок Шиткин Канского округа Енисейской губ.

В марте 1928 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью ее подруга, Нина Николаевна Анчевская.

«8/III – 1928 г<ода>. Ленинград.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Простите меня, что я, не зная Вас лично, осмеливаюсь беспокоить Вас своей громадной просьбой, но мне со всех сторон говорят, что Вы так добры и отзывчивы к горю, и мне ничего другого не остается, как обратиться к Вам. Кроме Вас не на кого мне надеяться. В апреле (9-го числа) 1927 года адресовали моего единственного друга — Марию Владимировну Адлерберг, 54 лет, которая была для меня и матерью, и сестрой, и другом. Она служила до 23/X-1926 года в конторе гражданина Блау, который был присяжным поверенным. 23/X-1926 года в конторе был произведен обыск, хозяин конторы — Блау и его управ<ляющий> делами были арестованы, а служащие остались без места. Блау был обвинен в шпионаже. В декабре 1926 года у моей подруги во всей квартире был произведен обыск, но она была оставлена на свободе, а в ту же ночь 2 служащих конторы были арестованы. В конце января 1927 года мою подругу вызвали на допрос к следователю, а 9 апреля 1927 года ее арестовали и в ту же ночь арестовали еще 6 других младших и даже не штатных служащих (не штатн<ых> 3). Сначала служащим была предъявлена статья 58-12 и 17, а потом вдруг статью 58-12 переменили на 58-6. До 12 января 1928 г<ода> все служащие конторы содержались в Д<оме> П<редварительного> З<аключения> в Ленинграде, а 12/I-1928 года мою подругу и еще 3-х женщин, служащих конторы, выслали в Сибирь, где они сейчас и находятся. Хозяин и управ<ляющий> делами были, по приговору Коллегии ОГПУ, расстреляны, а другие служащие получили Соловки на 5, а некоторые на 10 лет. Я Вам клянусь своей жизнью, что Мария Владимировна Адлерберг, как и все служащие, не была ни в чем виновна. Она лишь в том виновата, что честно зарабатывала себе кусок хлеба и более чем добросовестно несла обязанности свои, конторщицы-машинистки. Всю свою жизнь она посвятила служению людям: она отдавала все, что имела, отказывая себе во всем, утешала людей в горе, а с 1917 <по> 1927 год она бесплатно несла обязанность в Правлении нашего дома. Пользуясь доверием и любовью жильцов дома, она с 1917 года была заместителем председателя по дому. Вернувшись с 2-х служб — голодная, усталая, она до 2-х часов ночи принимала жильцов, писала всякие домовые бумаги. Заболев испанкой, она при 40° температуре никому не отказала в приеме, спасая нас от голода и холода. Если бы Вы могли увидеть Марию Владимировну, — Вы бы сразу узнали, что перед Вами человек — редкий по своим нравственным качествам. Ее нельзя не любить, к ней нельзя не привязаться. Я молюсь на нее, она тоже очень привязана ко мне и считает меня своим единственным другом. Все в тюрьме, и теперь я забочусь о ней: посылаю деньги и посылки. Я бы все отдала, чтоб спасти ее! Но я бессильна! Вы — единственная можете облегчить наше горе: горе моего

80-летнего отца, моей дорогой ссыльной и мое. Ее судьбу я вручаю Вам, дорогая, добрая Екатерина Павловна. Мария Владимировна больна пороком сердца с онемением конечностей, склерозом и хроническим аппендицитом. Порок сердца развился у нее в тюрьме.

Когда ей прочли приговор Коллегии ОГПУ о высылке в Сибирь на 3 (три) года, она была совершенно спокойна, и когда отдельные говорили: "что Вы за человек, что Вы так спокойны?" — она ответила: "Я человек с чистой совестью, а потому я спокойна". Отправленная по этапу, она в Перми слегла и 2 недели была в тюремном лазарете. Больное сердце не выдержало тяжелую разлуку и отправки. Она находится теперь в селе Шиткине, Енисейск<ой> губ<ернии>, Канского окр<уга>, Шиткинского района, в 56 верстах от железной дороги, врача и больницы нет, есть лишь амбулаторный пункт и 2 фельдшера. У нее есть свидетельства двух врачей (Пермского тюремного и Ленинградского коммунального, пользовавшего ее до ареста), что она все время должна быть под наблюдением врача для наблюдения и лечения. Мы никак не можем узнать, применяется ли к ней амнистия, и это и ее, и меня очень мучает. Кроме того, нельзя ли хлопотать о переводе ее в какой-нибудь город на железной дороге, поближе к Уралу, а то она не на железной дороге и страшно далеко. Она больной и старый человек, а дома у меня 80 летний больной отец, и я не знаю, как мне разорваться! Я сама учительствую, зарабатываю гроши, но все отдаю ей, отказываю себе во всем. Говорят, можно потом хлопотать о досрочном освобождении. Срок у нее с 9/IV-1927 г<ода> по 9/IV-1930 г<ода> ссылки. Умоляю Вас узнать, применяется ли к ней амнистия. Относительно хлопот о переводе ее поближе и в город на железн<ой> дороге, я не знаю, не рано ли это? Вы уж сами знаете, когда это надо делать, чтоб не испортить дела. Говорят, после Сибири дают -6 городов? Неужели нельзя устроить ее прямое возвращение из Сибири в Ленинград, минуя -6? Моя дорогая ссыльная умоляет меня обратиться к Вам, и обе мы надеемся на Вашу бесконечную доброту и отзывчивость.

Всего, всего Вам хорошего, дорогая Екатерина Павловна.

Нина Николаевна Анчевская.

Прошу Вас ответить мне по адресу:
Ленинград, В<асильевский> О<стров>,
3-я линия, д<ом> № 16, кв. 14»¹.

В апреле 1930 — Мария Владимировна Адлерберг была освобождена из ссылки с ограничением проживания на 3 года (-6). Поселилась во Ржеве Западной области², в феврале 1931 — находилась там же, просила ходатайства Помполита в пересмотре дела и досрочном освобождении от ограничения в проживания, было отказано. В мае 1933 — находилась во Ржеве, хотя срок наказания истек еще в апреле³.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп 1. Д. 290. С. 90-91. Автограф.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп 1: Д. 348. С. 365; Д. 613. С. 83-86.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп 1. Д. 997. С. 1-4.